

МЕХАНИЗМЫ И ИНСТРУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРОЙ

РЕФОРМИРОВАНИЕ НАУКИ В РОССИИ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ

Аблажей Анатолий Михайлович

Институт философии и права Сибирского отделения
РАН, Новосибирск, Россия

ablazhey@academ.org

DOI: 10.19181/sntp.2020.2.4.2

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена выяснению спектра мнений молодых (до 35 лет) сотрудников НИИ научных центров Сибирского отделения РАН (Красноярского, Томского, Иркутского) о произошедшей в 2013 г. радикальной реформе РАН, науке как профессии, её месте и роли в стране, ценности фундаментальной науки. Основную часть респондентов составили председатели и активные члены Советов молодых учёных институтов. Приведены доказательства серьёзных претензий, предъявляемых научной молодёжью к сложившемуся стилю руководства наукой со стороны государства, показано, что с переходом рычагов управления в руки Федерального агентства научных организаций (ФАНО) эта проблема не потеряла своей актуальности, в частности, полученные результаты доказывают высокую степень неудовлетворённости молодёжи сложившейся практикой бюджетного финансирования научных исследований, для которой характерна нестабильность поступления средств. Показано, что для научной молодёжи проблема стабильности, прогнозируемости ситуации, возможность глубокого планирования горизонта исследований не менее важна, чем для старших коллег. Достаточно радикально оценивала существенная часть респондентов ситуацию внутри РАН. Признавая несомненное значение Академии наук для развития и организации научных исследований, молодые учёные настаивали на необходимости для академической науки соответствовать времени, адекватно реагируя на всевозможные вызовы. Именно этого Академии наук, по их мнению, не хватило, что стало одной из наиболее важных предпосылок реформы. Оценивая критерии и механизмы оценки интенсивности и эффективности научного труда (от науки в целом до конкретного института и отдельного учёного), молодые исследователи высказывали вполне обоснованные претензии, подчёркивая засилье в пореформенной российской науке формальных наукометрических показателей. Оценивая актуальность задачи омолаживания науки, заметных кадровых подвижек, многие респонденты признавали её важность; в то же время, по их мнению, подобная задача не была в центре внимания. Молодые сотрудники академических НИИ не поддержали мнение о резкой активизации научной эмиграции среди молодёжи в связи с реформой. В целом научная молодёжь при оценке перспектив как науки в России в целом, так и своих собственных, выражала осторожный оптимизм.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

научная молодёжь, реформа РАН, адаптация, научная эмиграция, кадры, системы оценки, перспективы.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Аблажей А. М. Реформирование науки в России глазами молодёжи // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 4. С. 34–51.

DOI: 10.19181/sntp.2020.2.4.2

«...У меня очень положительное отношение к реформе.
На самом деле, я сторонник ещё более радикальных изменений»

В настоящей статье мы поставили перед собой задачу выявить основные тренды отношения к радикальной реформе отечественной академической науки, начавшейся в 2013 г., среди представителей молодого поколения российских исследователей. Эта тема представляет значительный интерес в силу ряда важных причин. Прежде всего исследователи, входящие в когорту «молодых учёных» (а с точки зрения официальной статистики – это научные сотрудники в возрасте до 35 лет), составляют значительную часть российского научного сообщества – порядка 30%, и их мнение о государственной научной политике, сформировавшиеся в их среде практики адаптации представляют не просто значительный интерес – это имеет *стратегическое* значение с точки зрения формирования *эффективных* способов руководства наукой, в том числе на перспективу, поскольку именно нынешняя молодёжь будет определять судьбы российской науки уже в самое ближайшее время. Не менее важное значение имеет то обстоятельство, что отношение исследователей к науке как области профессионального выбора, сфере деятельности, профессиональному сообществу, социальному институту, переживающему сегодня драматическую эволюцию, как никогда ярко проявляется и проговаривается, будучи отрефлексированным, именно в моменты возникновения *угрозы* (не важно, явной или мнимой) её существованию.

Период с середины 2013 до конца 2015 гг. был именно таким: подавляющее большинство сотрудников научно-исследовательских учреждений, подведомственных РАН, расценили решение об изменении статуса Академии наук (взамен РАН, как бюджетного учреждения, предполагалось учредить «общественно-государственное объединение “Российская академия наук”», с включением в её состав также членов сельскохозяйственной и медицинской академий) как прямую и непосредственную *угрозу* существованию в стране фундаментальной науки. По сути, на месте бывшего «министерства науки» планировалось учредить «клуб академиков», лишённый имущества и научных институтов. Право управления фундаментальными исследованиями и всем академическим имущественным комплексом передавалось бы вновь созданному органу управления с условным названием «Агентство научных институтов». В организации научной деятельности планировалось сменить адресат поддержки: вместо НИИ объектом государственного финансирования должна была стать научная лаборатория (сектор, лаборатория, временный творческий коллектив). Речь шла фактически о ликвидации традиционной для советской/российской науки системы академических институтов как основной формы организации научной деятельности. В новой системе организации исследований им отводилась бы роль своеобразных лизинговых центров, сдающих научное оборудование в аренду. Го-

сударственное финансирование лабораторий осуществлялось бы при этом на конкурсной основе, исследователи переходили бы на прямые контракты с будущим Агентством. Сфера фундаментальных исследований должна была стать компактной, бюджетной и управляемой, а значит – существенно более современной и эффективной [1]. Особо отметим то обстоятельство, что сценарий событий лета 2013 г. во многом был списан с реформы управления польской наукой, осуществлявшейся с начала 1990-х гг. [2].

Ответная реакция научного сообщества не заставила себя долго ждать. В научных центрах летом 2013 г. проходили акции протеста против принятия такого решения, устраивались сборы подписей и флешмобы. Их итогом стало заметное смягчение жёстких положений первого варианта реформы, принятие компромиссных по сути решений (сохранение РАН как *государственной* Академии наук, наделение её статусом главного экспертного органа страны, разделение функций РАН и ФАНО) в сфере управления фундаментальными и поисковыми исследованиями, введение годового (потом продлённого ещё на год) моратория на сделки с академическим имуществом, сохранение институтов в качестве основного объекта государственной научной политики. Постепенно снижался и градус недовольства реформой, учёные постепенно (хоть и безболезненно) адаптировались к новой ситуации в науке.

Исследовательской удачей можно считать то обстоятельство, что благодаря гранту фонда «Хамовники» весной-летом 2015 гг. автору настоящей статьи представилась возможность провести полноценное полевое исследование в академических центрах Сибири (Новосибирский, Красноярский, Томский, Иркутский научные центры СО РАН). Главной задачей проекта¹ являлось как выявление мнений сотрудников академических НИИ о реформе, сегодняшнем и завтрашнем дне российской науки, эффективности государственной научной политики, так и о формах и механизмах их адаптации к новой ситуации в науке. Особое внимание уделялось молодым учёным. Основной метод исследования – проведение полуструктурированных интервью с председателями Советов молодых учёных академических институтов и активными членами данных Советов, что позволило обсудить не только сугубо личное отношение к реформе самого респондента, но и в той или иной степени оценить её восприятие молодыми коллегами респондента по институту или научному центру в целом. В качестве дополнительных методов использовались фокус-группы с членами советов молодых учёных ряда академических институтов (например, в Институте физики прочности и материаловедения Томского НЦ и Сибирском институте физиологии и биохимии растений Иркутского НЦ); включённое наблюдение; контент-анализ местной печати, в том числе специализированных академических изданий; анализ официальных документов Правительства РФ и Президиума РАН и СО РАН.

¹ Проект «“Реакция на угрозу”: типология адаптационных поведенческих стратегий учёных в условиях реформы РАН» поддержан фондом «Хамовники» (грант № 2015-001). Руководители проекта А. М. Аблажей и И. А. Самахова.

В статье мы постарались сравнить зачастую полярные точки зрения представителей российской научной молодёжи на то, что происходит с наукой и в науке, зафиксировать степень адаптации молодых учёных к изменившимся условиям деятельности, их представления о завтрашнем дне академической науки и т. д. Для сравнения намеренно взяты ряд интервью, чтобы показать наличие нескольких вариантов адаптации молодых к новой ситуации. Кроме того, выбраны представители различных научных дисциплин и различных научных центров (в данном случае – Томского, Иркутского и Красноярского). Наконец, следует подчеркнуть важное обстоятельство: в известном смысле то, о чём мы говорим в настоящей статье, уже история. За прошедшие с момента проведения пять лет ситуация в науке изменилась, научное сообщество в очередной раз и вновь достаточно успешно смогло адаптироваться к новым условиям. Но это уже тема будущих публикаций.

Прежде чем переходить к анализу мнений о реформе, несколько слов о её причинах и предпосылках. С одной стороны, в научном сообществе постоянно нарастало ощущение того, что кризисное положение науки в стране, невнимание к её нуждам со стороны государства и общества крайне негативно сказываются на квалификации работающих здесь людей. В конце 2000-х один из крупнейших специалистов в области социальных исследований науки Е. З. Мирская писала: «...выявилось и серьёзное (пока латентное!) снижение уровня профессиональной деятельности у заметной части научных кадров, в том числе и относимых к самым высоким категориям» [3, с. 170–171]. Одновременно среди самых разных слоёв научной общественности росла убеждённость в том, что именно академическая бюрократия становится основным препятствием на пути развития российской науки. Серьёзным ударом по престижу Академии наук стало пролоббированная её руководством в 2008 г. отмена возрастного ценза для занятия административных должностей после 70 лет (главной целью было оставить на своём посту бессменного президента РАН Ю. Осипова, а значит, и всю его команду). Во многих институтах, где должна была произойти запланированная смена руководства, этого не случилось, что во многих случаях привело к росту социальной напряжённости в коллективах, а нередко – и к острым конфликтам. Не редкостью стал и обусловленный отменой возрастного ценза переход в другое учреждение, а то и уход из науки талантливых учёных среднего возраста, морально и профессионально более подготовленных к работе в новых условиях, но не сумевших в силу отмеченных выше обстоятельств занять руководящие посты. В то же время, согласно результатам исследований Е. З. Мирской, «при необходимости реального выбора подавляющее большинство учёных (89%) становились на сторону Академии, так как корпоративные интересы объединяли подавляющее большинство представителей академической науки – тех, кто понимал, что в это время важнее всего было сохранить Академию. Академию как институцию, обеспечивающую функционирование системы отечественных фундаментальных исследований» [3, с. 172]. Данный вывод ярко подтвердили события лета 2013 г.

Вместе с тем неумение (да и нежелание) академической верхушки пойти на серьёзные изменения, убеждённость в своей непогрешимости и особом

положении в социальной и властной структуре постсоветской России сыграли свою роковую роль. Нельзя не согласиться с И. Дежиной в том, что «в период всеобщего слома, когда перестал существовать СССР, Академия фактически сохранилась в прежнем виде с точки зрения базовых принципов работы. Дальнейшая история показала, что Академия оказалась очень консервативной структурой, не идущей на серьёзные компромиссы. Это отсутствие гибкости и неумение вовремя инициировать и провести внутреннюю реформу и привело её к краху» [4, с. 18].

В подготовке реформы приняла активное участие и часть экспертного сообщества. Назовём только самые заметные аналитические материалы: «Академический сектор науки в среднесрочной перспективе» (Центр «Открытая экономика»); «Оценка возможностей реформирования РАН с точки зрения руководителей эффективных научных коллективов» (С. Белановский и «Центр стратегических разработок»); «Российская наука: от кризиса качества к поиску точек роста» (И. Федюкин и «Центр стратегических разработок»); «Современное поколение учёных: ценности, мотивация, стиль жизни» («Центр прикладных исследований и программ»); «Шесть мифов Академии наук» (Д. Ливанов, С. Гуриев и Д. Северинов, журнал «Эксперт»); коллективное письмо представителей российской научной диаспоры «Фундаментальная наука и будущее России». В целом все перечисленные авторы сходились в одном: «при сохранении существующих тенденций у «большой науки» в России нет будущего: её отмирание – это вопрос ближайших десяти-пятнадцати лет» [5; см. также 6].

Как уже говорилось выше, реформа стала своеобразным «моментом истины» для очень многих российских учёных, в первую очередь для молодых. В первые месяцы после её начала звучало много пессимистических прогнозов относительно того, что «молодёжь в науку теперь точно не пойдёт», «нас ждёт резкий рост научной эмиграции, все молодые и перспективные исследователи из страны уедут», «для многих сомневающихся реформа станет последней каплей» и т. д. В этой связи при проведении интервью мы придавали большое значение выяснению мнения респондентов о науке как профессии, её месте и роли в стране, ценности фундаментальной науки. Полученные результаты показывают высокую степень понимания молодыми научными сотрудниками того факта, что наряду с прикладными исследованиями, востребованными реальной экономикой, крайне необходимы и фундаментальные знания. Академическая молодёжь очень чётко осознавала опасность того, что в ходе реформирования фундаментальную науку могут задвинуть на задний план: «[Мы] направляли в ФАНО наши соображения – это очень похоже на отрицание фундаментальной науки, тогда как для РАН это всегда было парадигмой как для организации. Ясно, что есть прикладная наука. Но фундаментальная наука – это то, что не приносит сиюминутного, все это понимают, экономического какого-то “выхлопа”, и не очень понятно, принесёт ли когда-нибудь, но это не значит, что ей не нужно заниматься, это очень много новых знаний о мире. И вот с этой точки зрения, безусловно, есть приоритетные направления, но складывается впечатление, что за их пределами ничего не собираются оставить... Критически

важные направления, которые связаны с обороноспособностью государства, со здоровьем, экономикой и пр. – конечно, они должны быть как ключевые направления. Но это не значит, что всё остальное – как сейчас выстраивает ФАНО – не имеет смысла, не должно развиваться» (Иркутск (далее – *И.*), математик)². Отметим, что дисциплинарная принадлежность респондентов, как правило, в достаточно высокой степени детерминирует их представления о приоритетах научного развития. Приведённое выше мнение, подчёркивающее несомненную важность фундаментальной науки, принадлежит математику; если же речь заходит о прикладных исследованиях, на первый план выходят представители более практико-ориентированных дисциплин: «Принципиально ничего не поменялось, всё равно сила, разум – на нашей стороне, потому что, как ни крути, кто бы там что ни говорил, научно-технический прогресс, рост ВВП определяется наукой, как фундаментальной, так и потом её прикладными исследованиями. Как ни крути, это всегда будет востребовано» (Красноярск (далее – *К.*), химик).

Представители этих же дисциплин (напомним, что речь идёт о молодёжи) гораздо более радикальны также в своих оценках ситуации в академической сфере и позиции той части научных сотрудников, которых они склонны относить к «консерваторам». Наши собеседники в одном из томских институтов отмечали, что «любая реформа встречается людьми негативно, потому что [они] вынуждены начать что-то делать» (Томск (далее – *Т.*), физик). Приведём ещё один очень характерный отрывок из интервью с председателем совета научной молодёжи одного из институтов естественно-научного профиля: «Нужно обязательно что-то делать [именно с научными сотрудниками]. Проблемы, которые здесь возникают в плане недовольства, они связаны с неким непониманием, мне кажется, нынешней картины мира... Да, наверное, нам придётся смириться, принять новую экономику, принять рынок. Нам нужно понять, что нужно продавать обязательно то, что мы производим. Соответственно, нужно будет производить то, что можно будет продать, и не заниматься исследованиями, которые... можно положить на полочку и, может быть, лет через 10 они кому-то понадобятся. А может, и не понадобятся, а деньги государство тратит... Я считаю, что здесь всё правильно – какие-то кадровые перестановки, корректировка финансирования обязательна... Если есть институт, который работает, даёт какой-то ценный продукт, почему он должен делиться деньгами с институтом, который, ну, не даёт такого качественного и ценного продукта? У нас в институте, к примеру, есть такие лаборатории, которые дают очень хороший, действительно, продукт, а есть такие, которые по каким-то причинам (но это моё личное мнение) дают не такой уж ценный продукт. Грубо говоря – берётся статья из 80-х годов, каким-то образом дорабатывается, и делается новая какая-то публикация, но никому это не надо» (*И.*, химик).

Стоит отметить, что такого рода радикальная позиция в целом не очень характерна для опрошенных нами молодых учёных, но она имеет место быть. Это лишний раз показывает, что какая-то часть научных сотрудников далека от идеализации Академии, призывая искать корень проблем не

² В скобках указаны научный центр и специальность респондента.

только в «заговоре» против науки, но и в проблемах внутри самого научного сообщества. Другое дело, что часть учёных старшего поколения в силу возраста вряд ли способна на столь резкую смену привычного образа мыслей и поведения.

Серьёзные претензии предъявляла научная молодёжь к сложившемуся стилю руководства наукой со стороны государства и с переходом рычагов управления в руки Федерального агентства научных организаций (ФАНО), эта проблема отнюдь не потеряла своей актуальности [7, с. 65–66]. Рассуждая о неэффективности всех предыдущих попыток так или иначе повернуть фундаментальную науку лицом к реальной экономике, один из респондентов сформулировал причины в предельно краткой и ясной форме: «Вся проблема в том, что у нас государство не понимает, что оно хочет [от науки]... Так это чья проблема – науки или государства?» (И., математик). Ответ, который предлагает молодёжь, вполне ожидаем – именно государство должно сформулировать, пусть и в самых общих чертах, чёткий государственный заказ для науки (и не только в сфере обороны), а наука в свою очередь должна предложить способы и механизмы его реализации.

Особенно резко молодёжь реагировала на сложившуюся практику финансирования научных проектов. (Напомним, что в первоначальном проекте предполагалось перевести все научные исследования на конкурсный принцип финансирования – но именно сложившаяся практика в этой сфере и вызывала недовольство.) Вот очень характерная цитата в этой связи: «Молодёжь очень остро реагирует на это... Как только ты пытаешься создать свою группу, получить грант – сразу львиная доля времени уходит вот на это (подготовка заявки на грант, отчёты, решение проблем с доставкой, закупкой, на решение проблем, которые при грамотной организации выделенного яйца не стоят) и его, честно говоря, жалко. Я с 1998 г. занимаюсь подготовкой заявок на гранты и не помню ни одного года, когда можно было бы точно сказать, когда будет финансирование. Чтобы всё пришло – так, как обещали и как оно должно прийти по графику... (такого не было). А если финансирование приходит не вовремя, «накрываются» командировки, реактивы, образцы. И все твои исследования встали колом. И “приплыли”» (К., физик).

В этой связи следует также подчеркнуть одно крайне важное обстоятельство – для научной молодёжи проблема стабильности, прогнозируемости ситуации не менее важна, чем для старших коллег. Тот же самый респондент несколько раз возвращался к этой проблеме во время нашего разговора. Именно отсутствие стабильности, невозможность спланировать свои научные и, соответственно, жизненные перспективы хотя бы на три года (!) крайне усиливала напряжённость в учёной среде. В этой связи, по мнению процитированного выше респондента, те элементы, которые считались несомненным достоинством отечественной системы организации научных исследований (специализированные академические институты, стабильное финансирование, пожизненные, по сути, контракты), внезапно превратились в свою противоположность: «Раньше мы были очень довольны тем, что у нас, пусть и при небольшой зарплате, но есть постоянное место работы, часто бессрочный контракт, это создаёт ощущение стабиль-

ности, надёжности, ты уверенно смотришь в завтрашний день. Мы приезжали на конференцию, общались с нашими зарубежными коллегами, а у них – временные контракты. Теперь мы им завидуем – как здорово, у вас трёхлетний контракт... Можно не думать об оборудовании, о финансировании, что будет с твоим институтом, с твоей группой, с твоим финансированием, с твоим грантом. То есть мы начали завидовать трём годам! Какое значение может иметь твой бессрочный контракт, если твою организацию присоединят, а там пройдёт реструктуризация, и непонятно, что с тобой будет» (К., физик).

Достаточно радикально оценивала часть наших респондентов и ситуацию внутри РАН. Причём эта позиция прямо вытекала из признания необходимости для науки соответствовать времени, вовремя и адекватно реагируя на всевозможные вызовы. Именно этого Академии наук и не хватило: «На самом-то деле реформа РАН – она не на пустом месте возникла, потому что предпосылки, как всё это происходило, какие там внутренние склоки, что-то говорили, они уже тогда шли... Сложилось впечатление, что, действительно, какие-то перемены нужны были, но в какой форме радикальной они произошли, как это было предложено правительством, в этой форме первоначальной проекта приказа [указа], где с «ликвидацией Академии наук», – это, конечно, ни в какие ворота... Конечно, очень острая была реакция научного сообщества... Чтобы такого избежать, Академия наук должна была сама вынести, что вот, да, действительно, время диктует некоторые перемены, давайте что-то мы поменяем. Такого вот предложено не было, а у нас государство достаточно радикальное: нет так нет, тогда давайте сделаем так, как считаем мы. То и вышло» (К., химик).

В то же время практически все признавали, что подобный стиль обращения с Академией наук – «это, конечно, ни в какие ворота». Можно уверенно утверждать, что все наши респонденты гордятся тем, что являются научными сотрудниками академических институтов, не отделяют свои профессиональные и личные планы от будущего РАН как уважаемого и крайне необходимого для современного российского общества учреждения: «Академия наук не была идеальной системой. Но при всём при этом это была устоявшаяся, чётко структурированная, понимающая свою внутреннюю структуру, осознающая себя структура, имеющая огромную историю, с петровских времён. Самая древняя организация. Которая всегда была сама по себе, у которой всегда были свои фабрики и заводы, полигоны, и которая в этом смысле всегда могла за себя постоять, была автономна, могла работать...». (И., математик). Обратим внимание на то, что в данном случае респондент делает особый упор на известной самостоятельности, исторически сложившемся автономном статусе Академии наук. Очевидно, что радикальная реформа РАН его круто изменила.

Возвращаясь к проблеме руководства наукой, невозможно обойти вниманием такую крайне важную, даже болезненную для учёных проблему, как критерии и механизмы оценки интенсивности и эффективности научного труда: от науки в целом до конкретного института и отдельного учёного. И здесь молодые исследователи вполне обоснованно говорили о засилье

в пореформенной науке формальных наукометрических показателей: «Другая проблема – она даже более широкого масштаба, на мой взгляд, – попытка подвести всю науку фундаментальную под ту систему, которая везде выстроена: под показатели. То есть сейчас нет погони за результатом – есть погоня за показателями. Надо публиковаться, всё время какие-то гранты находить. Учёный занимается не своей [научной] проблемой, а проблемой подготовки заявок на проекты, проблемой продвижения своих публикаций. Это встало остро именно по итогам реформы... Я называю это имитацией деятельности» (И.; математик). Симптоматично, что подобные оценки во многом совпадают с оценками экспертов, оценивающих положение пореформенной науки в стране [8, с. 90].

Обратим внимание на то, что ряд учёных включают в графу «формальные показатели деятельности» не только обязательный минимум публикаций, но и наличие дополнительного финансирования (гранты). И то, и другое считается «имитацией деятельности», они мешают заниматься настоящей наукой. На наш взгляд, подобный парадокс можно объяснить тем обстоятельством, что для целого ряда учёных, особенно тех, чьи исследования не нацелены на прикладной результат, ценность представляют занятия наукой «сами по себе», безотносительно к их сторонней, тем более утилитарно нагруженной оценке. Любые попытки втиснуть деятельность исследователя в прокрустово ложе заданных кем-то формальных критериев вызывают у них ответную негативную реакцию. Речь идёт, по нашему мнению, о своеобразных архетипах академической профессии, на деле определяющих её особое положение в культуре.

Отдельный большой вопрос – как реформа повлияет на омоложение науки. Учитывая, что упреки в старении Академии, её постоянном отставании от меняющихся требований времени просто в силу преклонного возраста подавляющего числа её членов накануне реформы звучали всё более настойчиво, эта тема была одной из центральных. Неслучайно руководство ФАНО было подчёркнуто молодым (руководителю М. Котюкову на момент назначения было только 36 лет). Многие наши собеседники постоянно повторяли, что с новым руководством им гораздо проще взаимодействовать не в последнюю очередь в силу возраста. Вместе с тем задача омолодить сферу фундаментальных исследований, создав условия не только для привлечения, но и, что гораздо сложнее, для закрепления молодёжи в науке [9, с. 108], была для авторов реформы отнюдь не главной: «Большой корреляции между реформой и омоложением науки я не вижу. Направлена реформа, в конечном итоге, на уже существующее... Призвана «растерзать» и переделать существующую структуру» (И., математик). Исходя из этого, не было веских оснований считать создание условий для прихода молодых в сферу науки одной из главных целей реформы. По словам одного из респондентов, «как это [омоложение науки] связано с реформой, сказать сложно. Всё-таки она направлена на реформирование Академии, она касается в основном сформировавшихся учёных. Там есть вектор на привлечение молодёжи, на омоложение кадрового состава, но это не главная её задача. Скажется ли реформа на привлечении – не могу сказать... [Но в целом] процент [молодых

людей, идущих в науку] падает» (И., математик). Подобное признание тем более симптоматично, что в предыдущие годы, как показали в том числе и наши исследования, численность молодёжи в академическом секторе науки постоянно росла [10, с. 34–35].

Весомым подтверждением высказанного выше суждения об архетипах академической профессии может служить тот факт, что ведущим фактором, который, по мнению подавляющего большинства наших респондентов, в наибольшей степени влияет на принятие молодым человеком решения идти в науку, является именно глубокая личная убеждённость в сделанном выборе: «энтузиазм», «интерес к науке», «убеждённость [человека], что это его». Кроме того, в качестве весомых называются такие факторы, как: «поступление в аспирантуру как способ избежать армейской службы», «защита диссертации как способ сделать карьеру в других сферах, престиж науки», «интерес к личности [научного] руководителя», наконец, «наука как способ открытия мира, возможность поехать по миру как приятный бонус». Подчеркнём важнейшее обстоятельство: аналогичное мнение высказывали сотрудники академических институтов Сибирского отделения РАН начиная с 1996 г. [11; 12], что свидетельствует об устойчивости такого рода корпоративных ценностей.

Когда в середине 2013 г. радикальная реформа РАН стала реальностью, одной из наиболее популярных «страшилок» (и она имела веские основания, учитывая предшествующий опыт) было предсказание новой волны эмиграции молодых учёных в зарубежные университеты и научные центры, поскольку «перспектив нет» и «ничем хорошим эта реформа не закончится». Исходя из этого, вопрос, является ли эмиграция из страны типичной стратегией адаптации к реформе науки для молодого учёного, стал одним из основных и в нашем исследовании. Если суммировать полученные ответы, то подавляющее большинство респондентов не согласилось с предположением, согласно которому радикальная реформа академического сектора науки вызвала новый виток «утечки мозгов»: «Со времён реформы у нас вроде никто не уехал, если кто-то уезжал, то это [было] и до реформы. Я бы не связал, что, вот, реформа настала, и тут резко все поехали куда-то. Нет, продолжают работать, никаких тенденций, что кто-то собирает чемоданы... На момент начала реформы, когда вся, что называется, «пена пошла», тут, конечно, были такие настроения, по Красноярскому научному центру, был такой момент, когда [началась паника] – «мы все умрём», «всё пропало»... Такой момент был, но потом всё улеглось» (К., биолог). «Кто-то выиграл грант, ну, там, за границей, уехал, но скорее всего, он вернётся, а может, и нет. Но чтобы прямо сказать, что, вот, реформа РАН, и я ухожу, что надо собирать чемоданы и куда-то уезжать – нет такого» (К., химик).

Тем не менее, часть респондентов всё же настаивала на том, что любое радикальное изменение ситуации, нарушение стабильности неизбежно вызывает сложности с организацией исследовательского процесса и служит весомым аргументом для принятия решения о выезде. Причём касается это в первую очередь той части молодёжи, которая в перспективе способна занять лидирующие позиции в науке: «У них появилось отчётливое понимание, что

если ты хочешь нормально работать, то надо уезжать из этой страны, это я точно могу сказать. У нас есть девочка в Институте химии, у неё была российско-французская аспирантура, сейчас она уезжает [во Францию] на постдок, и её уже обратно не ждут. Они [в институте] откровенно говорят (при том, что они в неё «вложились», она пришла к ним ещё студенткой): а какой смысл ей сюда возвращаться? Те, кто имеет возможность, – те уезжают, а уезжают лучшие. А не лучшие остаются, которых всё устраивает, у которых есть своя маленькая работа. Но хочется, чтобы были и «двигатели» (К., физик).

Один из наших респондентов предложил любопытную типологию научных сотрудников, которых спустя полтора года после начала реформы можно разделить на несколько категорий. Часть учёных находятся в состоянии депрессии, «полной паники, они мне каждую неделю задают вопрос, когда наш институт закроют, – в основном это люди пенсионного возраста, а если молодого возраста, то такие, я бы сказал, молодые пенсионеры. Это, видимо, всё от характера зависит – всё плохо, они закрыты к переменам и так далее, и так далее. Для них любые перемены, изменение чего-либо всегда шоком является, стрессом и так далее. И вот они от реформы РАН больше всего психологически пострадали, их внутреннее мироустройство, всё вообще перевернулось... Они выбиты вот этой ситуацией... Изменилось то, к чему они были привычны». Следующая категория – исследователи, полностью погружённые в профессиональную деятельность: «им по факту всё равно, им лишь бы не мешали работать. Как правило, это учёные, которые полностью в науке. Им главное – чтобы наукой занимались, а под чьим там ведомством – их мало интересует. У них статьи такие обособленные, они в своём микромире, получается, живут, [но] их всё-таки меньшинство». Есть руководящее звено – «это завлабы, управляющий персонал института, это замдиректора, учёный секретарь, я, в частности, как председатель Совета молодых учёных. Мы... понимаем, что перемены, да, произошли, они, наверное, отчасти созрели» (К., химик). Они фактически и приняли на себя основной удар, выступая своеобразным буфером между научными сотрудниками и новым руководством.

В целом, подобная типология отражала реальное состояние дел, подобного рода оценки высказывались и респондентами более старшего возраста. Другое дело, когда тот же респондент пытается определить, насколько характерно подобное распределение для молодых учёных и каков в данном случае удельный вес той или иной категории. Выясняется, что самая малочисленная – вторая категория: «Наверное, их всё-таки немного, наверное, потому, что всё-таки таких выдающихся учёных [среди молодых] – их нет, в нашем институте, пока, по крайней мере». То есть для людей, в том числе молодых, реально занятых прежде всего наукой, не включённых в сферу планирования и управления исследовательским процессом, не участвующих в общественной деятельности, в том числе спровоцированной реформой, практически ничего не изменилось («Кто просто занимается... научной работой и кто не особенно активно занимается чем-то другим, они, в принципе, наверное, местами даже не почувствовали разницу [с дореформенным положением дел]» (К., физик).

Большой интерес вызвала характеристика по отношению к молодёжи той части научного сообщества (в данном случае Красноярского научного центра), которую респондент отнес к «паникёрам». По его мнению, «у них типаж какой-то... социалистический, и это во многом идёт от родителей. Как это ни удивительно, у большинства из тех, кто говорит, что всё плохо, родители живут в Академгородке, то есть они в этой научной [среде]... возвращены, и у них вот этот стиль: “Ну вот, что с нами будет? Я не хочу ничего делать, но получать всё равно хочу много денег”» (К., химик). Возможно, речь также идёт об архетипах профессии, но в данном случае он проявляется как убеждённость в особом положении членов учёной корпорации не только в советском, но и постсоветском обществе, с вытекающими отсюда «естественными» льготами и привилегиями.

Наконец, несколько слов о том, как молодёжь оценивала перспективы – как личные и профессиональные, так и науки в целом. Подавляющее большинство респондентов ожидаемо проявили свойственный молодости оптимизм и достаточно уверенно смотрят в будущее: «В целом все смотрят, я бы сказал, всё-таки больше с оптимизмом, как бы то ни было. Ещё плюс – когда ты молодой, ты всё равно думаешь, что ты не пропадёшь, что бы ни было, даже если будут увольнения-сокращения, всё равно это нельзя исключать – ты всё равно найдёшь своё место». (К., химик). Другие, несмотря на оптимизм, проявляют известную осторожность: «Перспективы разные, но в плане научной деятельности – пока что, если опять, как говорится, гром не грянет – перспективы есть: в развитии, в продолжении научной работы, пока я не вижу никаких препятствий для себя лично и для коллег моих. Но, как я уже говорил, у нас всё может внезапно случиться, поэтому это тоже не стоит исключать из вида» (К., биолог). Свойственный молодёжи оптимизм также способствует тому, что именно эта часть учёного сообщества становится главной опорой реформаторов: «Да, перемены, да, а что, будем работать, тем более, если у тебя семья, дети и прочее, тебя подталкивают к этому... Вот эта категория – она преобладает. И в ФАНО – там люди молодые, без этого академического тона... Им можно позвонить, найти общий язык, они открыты. Мы – люди примерно одного возраста, одних взглядов на жизнь, несмотря на то что они чиновники, вроде бы, такие прожжённые. И в целом все смотрят всё-таки больше с оптимизмом, как бы то ни было» (К., химик).

Радикальная перестройка всей системы фундаментальных исследований и появление нового центра власти в лице ФАНО способствовали возникновению прослойки сторонников происходящих изменений среди молодых сотрудников. Несмотря на преобладание главным образом резко отрицательных оценок как механизма, так и последствий реформы, были и положительные её оценки. Приведём в этой связи весьма показательное высказывание: «У меня очень положительное отношение к реформе. На самом деле я сторонник ещё более радикальных изменений... Сейчас есть возможность тем ребятам, которые умеют работать, которые хотят работать, действительно пробиться. У нас [в институте] такие возможности точно есть. Пожалуйста, вперёд... [Сейчас] новый мир, здесь всё по-другому, всё по-другому, абсолютно. Не в 60-х годах живём» (И., химик).

Другое дело, когда респонденты пытались оценить более долговременные факторы, такие как престиж науки или учёного в обществе. Здесь уже скепсиса было гораздо больше: «Повысит ли это степень уважения к себе, ощущение своей нужности, престижа науки? – А это тоже важный фактор, чтобы ему не было стыдно сказать на улице, что он в институте работает (а такое время было, смотрели на тебя как на юродивого, спрашивали – «А чем вы там занимаетесь, а кому, зачем это надо?»), – я бы большого энтузиазма не испытывал и не испытываю» (И., математик).

По мнению существенной части молодёжи, в Академии наук слишком много борьбы за власть и влияние (очень симптоматичны в этом отношении оказались первые после начала реформирования выборы в РАН, прошедшие в 2016 г. – А. А.), и всё меньше науки. Именно этим во многом объясняется убеждённость большинства наших респондентов в том, что реформы назрели и перезрели. Часть респондентов была согласна с тем, что в нынешней ситуации, в связи с официально провозглашённой линией на омоложение науки (подкреплённой соответствующими решениями, например, об ограничении предельного возраста директоров институтов 65 годами), у молодёжи появляются шансы ускорения карьеры: «Я бы не стал ожидать существенного улучшения жизни среднестатистического учёного. У молодых, может быть, что-то и будет. Например, они быстрее станут завлабами» (И., математик). Стоит отметить, что эта мысль, часто в более радикальной форме, нередко повторялась и в других взятых нами интервью с молодыми учёными. Другими словами, для части из них реформа – это шанс сделать быструю академическую карьеру.

Полученные нами результаты свидетельствуют, что спустя полтора года после начала радикальной реформы академической науки в молодёжной среде можно наблюдать несколько вполне сложившихся тенденций отношения не только к самой реформе, но и шире – к государственной научной политике в целом. Так, часть молодых учёных (как правило, речь идёт о специалистах в области естественных наук) восприняли реформу и как возможность модернизировать российскую науку, повернув её лицом к рынку, и как шанс для ускорения собственной карьеры, поскольку закостеневшая структура Академии наук мешала, с их точки зрения, появлению новых имён. Назначение на руководящие должности во вновь созданном Федеральном агентстве научных организаций преимущественно новых и, как правило, достаточно молодых людей существенно усиливало подобные настроения. Для другой, также весьма заметной части наших респондентов, реформа, по сути, – угроза как их личной стабильности, так и науке в целом. Что касается большинства молодых исследователей, то для них события лета 2013 г. и последовавшие за ними мероприятия стали своеобразной точкой бифуркации, поскольку сказать, что ждёт науку в хотя бы среднесрочной перспективе на момент проведения исследования было крайне сложно. По нашему мнению, почти все из них решили продолжать работать в науке, хотя доверие к проводимой государством политике в отношении фундаментальной науки вновь, как не раз бывало с начала 1990-х гг., серьёзно пошатнулось.

Молодые учёные в большинстве своём подобны двуликому Янусу: с одной стороны, как всякая молодёжь, они нацелены на изменения и новации, с другой – они плоть от плоти именно академическая молодёжь, с младых, ещё студенческих ногтей впитавшая профессиональные и мировоззренческие ценности сообщества. Также, как и старшие товарищи, многие из них на дух не принимают дух коммерциализации, не мыслят своей личной карьеры вне стен воспитавшей их лаборатории, воспринимают Академию наук не просто как учреждение или место работы, но как безусловную культурную ценность страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проект Федерального закона «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 3690п-П8 от 28.06.2013 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/pr_fz010713.pdf (дата обращения: 19.05.2020).
2. Антонович Д. Невозможное возможно. Модернизация Польской академии наук // Форсайт. 2010. Т. 4. № 3. С. 32–38.
3. Мирская Е. З. Реформирование РАН: результаты и перспективы (социологическое исследование мнения академических учёных) // Наука и власть: проблема коммуникаций. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 2009. С. 169–172.
4. Дежина И. Реформа РАН: причины и последствия для науки в России. М., IFRI, Центр Россия/ННГ, 2014. С. 18
5. Федюкин И. Российская наука: от кризиса качества к поиску точек роста [Электронный ресурс] // ПОЛИТ.РУ. 2009. 16 декабря. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/12/16/russcience/> (дата обращения: 19.05.2020)
6. Аблажей А. М. Радикальная реформа Российской Академии наук: разработка, реализация, оценка научным сообществом // Идеи и идеалы. 2018. № 1 (35). Т. 2. С. 29–52.
7. Куперштох Н. А. Реформа РАН 2013 г. и её последствия для региональных научных центров (на примере Сибирского отделения РАН) // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 1. С. 54–68. DOI: <https://doi.org/10.19181/sntp.2020.2.1.3>
8. Семёнов Е. В. Производство показателей как механизм подавления производства знаний, технологий и компетенций // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 1. С. 61–93. DOI: <https://doi.org/10.19181/sntp.2020.2.1.4>
9. Гвоздева Е. С., Высоцкий Е. В. Есть ли стимул работать в российской науке? // Высшее образование. 2005. № 1. С. 99–109.
10. Аблажей А. М., Головкин Н. В. Академическая наука в современном обществе: кадровое воспроизводство, адаптационные процессы и неолиберальные ценности. Новосибирск: НГУ, 2012. 302 с.
11. Гордиенко А. А., Еремин С. Н., Плюснин Ю. М., Путилов А. А., Аблажей А. М. Новосибирский Академгородок в 1996 г.: условия жизни и деятельности учёных // Социологические исследования. 1997. № 12. С. 68–77.

12. *Аблажей А. М.* Академические сообщества научных центров Сибирского отделения РАН: по материалам исследований 2009–2010 годов // Социология науки и технологий. 2012. Т. 3. № 1. С. 14–23.

Статья поступила в редакцию 10.06.2020.

REFORMING SCIENCE IN RUSSIA THROUGH THE EYES OF YOUTH

Anatoly M. Ablazhey

Institute of Philosophy and Law, Siberian branch of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation

ablazhey@academ.org

DOI: 10.19181/smtp.2020.2.4.2

Abstract. The article is devoted to elucidating the spectrum of opinions of young (up to 35 years old) employees of the Scientific Research Institute of Scientific Centers of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Krasnoyarsk, Tomsk, Irkutsk) about the radical reform of the Russian Academy of Sciences, science as a profession, its place and role in the country, and the value of fundamental science. The bulk of the respondents were chairmen and active members of the Councils of young scientists of institutes. The evidence of serious claims presented by scientific youth to the current style of leadership of science by the state is shown, it is shown that with the transfer of control levers to the hands of the Federal Agency for Scientific Organizations (FANO), this problem has not lost its relevance, in particular, the results show a high degree of dissatisfaction young people the established practice of budget financing of scientific research, which is characterized primarily by the instability of the receipt of funds. It is shown that for scientific youth the problem of stability, predictability of the situation, the possibility of deep planning of the research horizon is no less important than for senior colleagues. A significant proportion of respondents radically assessed the situation inside the RAS. Recognizing the undoubted importance of the Academy of Sciences for the development and organization of scientific research, young scientists insisted on the need for academic science to meet the time, timely and adequately responding to all kinds of challenges. It was this Academy of Sciences, in their opinion, that was not enough, which became one of the most important prerequisites for reform. Assessing the criteria and mechanisms for assessing the intensity and effectiveness of scientific work (from science as a whole to a specific institute and an individual scientist), young researchers also expressed well-grounded claims, emphasizing the dominance of formal scientometric indicators in post-reform Russian science. Assessing the relevance of the task of rejuvenating science,

noticeable personnel shifts, many respondents recognized its importance; at the same time, in their opinion, such a task was not in the spotlight. Young employees of academic research institutes did not support the widespread opinion about the sharp activation of scientific emigration among young people in connection with the reform. In general, the scientific youth, when assessing the prospects of both science in Russia as a whole and their own, expressed cautious optimism.

Keywords: scientific youth, reform of the Russian Academy of Sciences, adaptation, scientific emigration, personnel, assessment systems, prospects.

For citation: Ablazhey, A. M. (2020). Reforming science in Russia through the eyes of youth. *Science Management: Theory and Practice*. 2020. Vol. 2. No. 3. Pp. 34–51.

DOI: 10.19181/smtp.2020.2.4.2

REFERENCES

1. *Proekt federal'nogo zakona «O Rossijskoj Akademii nauk, reorganizacii gosudarstvennyh akademij nauk i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» № 3690p-P8 ot 28.06.2013* [Draft Federal law “On the Russian Academy of Sciences, Reorganizing State Academies of Sciences and Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation”] (2013). URL: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/pr_fz010713.pdf (accessed: 19.05.2020). (In Russ.)
2. Antonovich, D. (2010). Nevozmozhnoe vozmozhno. Modernizaciya Pol'skoj akademii nauk [The impossible is possible. Modernization of the Polish Academy of Sciences]. *Foresight*. Vol. 4. No. 4. Pp. 32–38. (In Russ.)
3. Mirskaya, E. Z. (2009). Reformirovanie RAN: rezul'taty i perspektivy (sociologicheskoe issledovanie mneniya akademicheskikh uchenyh) [Reforming of the Russian Academy of Sciences: results and prospects (sociological study of the academic scientists opinion)]. *Science and power: the problem of communications*. Conference Materials. Moscow. Pp. 169–172. (In Russ.)
4. Dezhina, I. G. (2014). *Reforma RAN: prichiny i posledstviya dlya nauki v Rossii* [Reform of the Russian Academy of Sciences: causes and consequences for science in Russia]. Moscow, IFRI, Centre Russia/NIS. 29 p. (In Russ.)
5. Fedukin, I. (2009). Rossijskaja nauka: ot krizisa kachestva k poisku toчек rosta [Russian science: from the quality crisis to the search for growth points]. *POLIT.RU*. December 16. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/12/16/russcience/> (accessed 19.05.2020) (In Russ.)
6. Ablazhey, A. M. (2018). Radikal'naya reforma Rossijskoj Akademii nauk: razrabotka, realizaciya, ocenka nauchnym soobshchestvom [Radical reform of the Russian Academy of Sciences: design, realization, estimation by the scientific community]. *Ideas and Ideals*. No. 1 (35). Vol. 2. Pp. 29–52. (In Russ.)
7. Kupershtoh, N. A. (2020). Reforma RAN 2013 g. i ee posledstviya dlya regional'nyh nauchnyh centrov (na primere Sibirskogo otdeleniya RAN [The Reform of the RAS 2013 and its consequences for regional scientific centers (on the example of the Siberian branch of the RAS)]. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 2. No. 1. Pp. 54–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/smtp.2020.2.1.3>

8. Semenov, E. V. (2020). Proizvodstvo pokazatelej kak mekhanizm podavleniya proizvodstva znaniy, tekhnologij i kompetenci [Production of indicators as a mechanism for suppression of production the knowledge, technology and competencies]. *Science management: Theory and Practice*. Vol. 2. No. 1. Pp. 61–93. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/smtp.2020.2.1.4>

9. Gvozdeva, E. S. and Vysockij, E. V. (2005). Est' li stimul rabotat' v rossijskoj nauke? [Is there an incentive to work in Russian science?]. *Higher Education*. No. 1. Pp. 99–109. (In Russ.).

10. Ablazhey, A. M. and Golovko, N. V. (2012). *Akademicheskaya nauka v sovremen- nom obshchestve* [The Academic Science in the modern Society]. Novosibirsk, NSU. 2012. 302 p. (In Russ.).

11. Gordienko, A. A., Eremin, S. N., Plyusnin, Yu. M., Putilov, A. A. and Ablazhey, A. M. (1997). Novosibirskij Akademgorodok v 1996 g.: usloviya zhizni i deyatel'nosti uchenyh [Novosibirsk Academgorodok in 1996: living conditions and activities of scientists]. *Sociological Studies*. No. 12. Pp. 68–77. (In Russ.).

12. Ablazhey, A. M. (2012). Akademicheskie soobshchestva nauchnyh centrov Sibir- skogo otdeleniya RAN: po materialam issledovaniy 2009–2010 godov [Academic commu- nities of scientific centers of the Siberian Branch RAS: on research materials from 2009– 2010]. *Sociology of Science and Technology*. Vol. 3. No. 1. Pp. 14–23. (In Russ.).

The article was submitted on 10.06.2020.